

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы
Российской академии наук
(ИРЛИ РАН)

Научный доклад об основных результатах подготовленной научно-
квалификационной работы (диссертации)

Онегинский тип героя: литературная эволюция

Аспирантки

III курса очной формы обучения

П. В. Бояркиной

2018

Уважаемые коллеги, тема моего квалификационного сочинения – «Онегинский тип героя: литературная эволюция», в нем впервые предпринята попытка проследить общую линию преемственности, идущую от европейских источников «Евгения Онегина» к русской литературе середины XIX века. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и Библиографии, всего 214 страниц.

Во Введении намечены задачи исследования и его теоретические ориентиры, к которым относятся работы Л. Я. Гинзбург «О литературном герое», С. Г. Бочарова «Характеры и обстоятельства», а также разработки теории романа в трудах М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана (статья «О сюжетном пространстве русского романа XIX столетия»). Понятие «литературный тип» использовалось в работе как имманентно литературная характеристика персонажа, предполагающая совокупность узнаваемых черт, которые с разной степенью полноты проявляются в целом ряде героев в произведениях наследующих друг другу авторов. «Онегинский» тип был создан Пушкиным с ориентацией на различные европейские образцы, поэтому с их обзора и было начато рассмотрение общей линии преемственности. Именно этому, а также характеристике собственно онегинского типа и посвящена первая глава работы.

При анализе литературного генезиса онегинского образа было выявлено два разных типа героев, черты которых собраны в пушкинском Евгении. Один из них представлен героями «демонической» линии (персонажи восточных поэм Байрона, Метьюрина, Полидори и Нодье), другой – героями пассивными и рефлексирующими (Адольф, Чайльд-Гарольд, Рене, отчасти байроновский Дон-Жуан). Кроме того, Онегин в известной мере наследует и героям-соблазнительям сентиментальных романов XVIII века. Было показано, что черты, которые впоследствии опознавались как присущие онегинскому типу, были заложены в пушкинском романе в различных формах – как реализованные в ходе сюжетного развития, и как потенциальные (особенность «романа возможностей» (термин С. Г. Бочарова)), как прописанные резко и как заданные лишь через отсылки к другим текстам. Так, например, демоническая линия, подчеркнутая ироничными литературными отсылками, полнометражно реализуется только в сне Татьяны, но эта, так сказать, двуипостасность героя получит несомненное значение для дальнейшей эволюции онегинского типа.

Вторая глава называется «От Онегина к Печорину». Первая часть главы посвящена ранним подражаниям «Евгению Онегину», которые начали появляться еще до выхода в свет полного издания романа и даже до публикации его последних глав. Здесь рассмотрены такие произведения как «Сашка» А. И. Полежаева (1825), «Нина» (1826) и

«Именины» (1831) И. П. Косяровского, «Отрывки из повести Гусар» (1828) и «Отрывки из романа в стихах» (1830) А. А. Башилова, глава первая «Признания на тридцатом году жизни» (1828) П. Г. Волкова, «Евгений Вельский» М. И. Воскресенского (1828–1832), «Отрывок из поэмы “Иван Алексеевич” или новый “Евгений Онегин”» неизвестного автора (1829), «Котильон, глава первая из стихотворного романа “Ленин, или жизнь поэта”» Н. Н. Муравьева (1829), «Борский» А. И. Подолинского (1829), «Владимир и Анета» А. Северинова (1830), «Отрывок из безымянной повести» В. Горкуши (1831), глава первая «Консилиум» повести в стихах «Московские минеральные воды» И. Е. Великопольского (1831), «Бал» (1828) и «Наложница» (1830) Е. А. Баратынского, «Семейство Комариных» Н. Карцова (1834), «Борис Ульянов» А. Н. Карамзина (1839), «Три года жизни» П. В. Кукольника (1839), «Писатель» Н. Н. Федорова (1840), «Евгений и Людмила» Н. Анордиста (Н. К. Радостина) (1840), «Граф Томский» Н. Колотенко (1840). За несколькими исключениями это слабые тексты, иногда слабые настолько, что подражание трудно отличить от пародии. Тем не менее они служат важным свидетельством о характере раннего восприятия пушкинского текста. Самая краткая общая характеристика этих текстов заключается в том, что авторы пытаются воспроизвести жанровые особенности романа в стихах, но по сути следуют жанру стихотворной повести с ее установкой на достоверность изображаемого. Непременным становится обилие авторских отступлений, которые включают непринужденный разговор с читателем и автобиографические подробности. Поглавный выход «Онегина» и заявление Пушкина в предисловии к первой главе, что это «начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено», создали впечатление о принципиальной незавершенности произведения. Почти все созданные вслед за «Онегиным» ранние тексты фрагментарны, исключения составляют «Нина» Косяровского, «Борский» Подолинского, «Бал» и «Наложница» Баратынского. Восприятие героя ранними подражателями совпало с мнением большинства первых критиков: характер его казался «не очерченным», обрисованным сбивчиво, причины его разочарованности и охлажденности – неясными. Пытаясь прояснить характер героя, авторы ранних подражаний использовали несколько типовых приемов. Например, усиливали сатирический нажим, и получался непротиворечивый образ не обремененного рефлексией легкомысленного повесы. В тех случаях, когда автор стремился добиться какой-то логики в развитии характера, он мог рисовать героя, который начинает жизненный путь романтическим и пылким Ленским, но в результате тех или иных, но всегда вполне определенных событий приходит к онегинским тоске, разочарованию или скепсису. Так возникала отчетливая мотивировка характера. Иногда черты Ленского и Онегина смешивались достаточно хаотично. Но показательно,

что за пределами чисто сатирических произведений более понятный для авторов образ Ленского оказывался почти непременно востребованным. Ориентация на него иногда даже специально подчеркивалась выбором имени героя (Лельский у Платона Волкова, Ленин у Муравьева, Владимир у Северинова и Подолинского, а также у Лермонтова в «Странном человеке»). Совмещение черт Ленского и Онегина, движение героя от типа Ленского к типу Онегина присутствует и в таких послеонегинских текстах как «Бал» Баратынского и «Борский» Подолинского. Эта особенность ранних подражаний останется актуальной и в более поздней традиции (наиболее яркий пример – «Обыкновенная история» Гончарова, а за пределами XIX века – «Улетающий Монахов» Битова).

Вторая часть второй главы посвящена пути Лермонтова к Печорину. Наиболее важными тут представляются два обстоятельства. Во-первых, в отличие от большинства ранних подражателей Лермонтов ориентировался не только на пушкинский роман, но и на его западноевропейские источники (Байрона, Констан, Шатобриана, Метьюрина и др.). Во-вторых, вереницу героев, замыкающуюся Печориным, Лермонтов проводит через самые разные жанры, словно опробуя в их контекстах возможность воплощения различных вариантов образа. Это и прозаическая драма («Menschen und Leidenschaften» (1830), «Станный человек» (1831), «Два брата» (1834–1836)), и стихотворный «Маскарад», и тематически связанная с «Демоном» романтическая поэма байронического типа («Ангел смерти» (1831) и «Азраил» (1831)), и поэма «Сашка», ориентированная одновременно на «Евгения Онегина», «Домик в Коломне», «Дон Жуана» и «Беппо», и прозаическое повествование в «Княгине Лиговской», и, разумеется, целый ряд лирических произведений. При этом Лермонтов то сводит вместе, то разводит два типа героев, совместившихся в Онегине. Демоническая составляющая образа часто выходит у Лермонтова на первый план, иногда предстает в чистом виде. В Печорине два типа западноевропейских героев, на которые ориентирован Онегин, соединяются, но демоническая линия прочерчена с тем нажимом, какого не было у Пушкина. Именно «Герой нашего времени» оказался произведением, благодаря которому демонизм стал восприниматься как очевидная особенность онегинского типа. А жанровая предыстория лермонтовского романа, его многомерный жанровый генезис безусловно сказались на природе произведения и, в частности, позволили вернуться к пушкинской неоднозначности в обрисовке героя.

В третьей главе рассмотрены тексты 1840–1860-х годов – эпохи, в которую за онегинским типом героя закрепилось поименование «лишний человек». Печорин считал, что «пыл благородных стремлений» навеки утрачен им потому, что он не угадал своего назначения – и в том, что Лермонтов понимал под назначением, социальное и

метафизическое измерения смыкались. Новая эпоха почти исключительно сосредотачивается на социальном, и эта точка зрения начинает формировать восприятие исследуемого типа. Однако при его обрисовке аккумулируются, порой почти превращаясь в клише, черты, закрепившиеся за этим типом в 1820–1830-е годы. По сути, можно говорить о том, что «лишний человек» – это своеобразная интерпретация типа пассивного героя, восходящего через Онегина к константиновскому Адольфу, жизнь которого «проходила в бездействии».

Впрочем, и демоническому типу было уделено внимание. В таких текстах Аполлона Григорьева середины 1840-х годов как «Отрывок из сказаний об одной темной жизни» (1845), «Олимпий Радин» (1845), «Предсмертная исповедь» (1846), «Встреча» (1846), «Первая глава из романа “Отпетая”» (1847)) появляются герои, варьирующие онегинские характеристики. Но в них гипертрофированы гордыня, эгоцентризм, желание властвовать над людьми – это, безусловно, опосредованные Лермонтовым черты байронических титанических героев – черты «демонического» типа. Позднее, уже в 1870-е годы эта линия преемственности отзовется у Достоевского.

Как близкие к пушкинскому Онегину принято трактовать образы Бельтова и Рудина, а также героев «Обыкновенной истории» и «Обломова». Близость эта, особенно в случае с Обломовым, не всегда достаточно очевидна, если ограничивать рассмотрение только произведениями первого ряда. Поэтому в третьей главе к анализу привлечены менее значимые тексты, в которых единство традиции обнаруживается с полной очевидностью. Таковы, например, довольно слабые стихотворные драматические картины Языкова под названием «Странный случай», написанные в 1841 г., под влиянием тесного общения с Гоголем, завершавшим «Женитьбу». Сцены Языкова – это диалоги двух персонажей, в одном из которых соединены черты с одной стороны путешествующих Чайльд Гарольда, Онегина и Чацкого, с другой – желающего непременно женить приятеля Кочкарева. Другой персонаж представляет ярко выраженный пассивный и в то же время рефлексирующий тип героя. Эта пара персонажей служат наглядной демонстрацией того, как из пары «Кочкарев – Подколесин», к обрисовке которой подключены явные проекции на пушкинский роман, получается пара «Штольц – Обломов». Произведение Языкова фиксирует самый момент превращения. Кроме того, попытка соединить, казалось бы, несоединимое: «Евгения Онегина» и «Женитьбу» – проясняет возможности дальнейших вариаций онегинского типа, связанные с наслоениями на пушкинский субстрат разнообразных чужеродных по отношению к нему литературных образов.

На тесную связь Онегина с Бельтовым из «Кто виноват?» прямо указывал сам Герцен, до этого предпринимавший попытки воплощения героев онегинского типа в

своих ранних автобиографических текстах. В это же время Огарев в стихотворении «Характер» представляет сжатую формулу исследуемого типа. Его же «Исповедь лишнего человека», как и «Странный случай» Языкова – тексты, в которых наглядно представлен процесс трансформации литературного типа и связанного с ним типа повествования: проблематика, относящаяся к высокому поэтическому измерению, сопрягается со скромной бытовой прозой.

Близость к Онегину Рудина становится гораздо более очевидной при обращении к раннему творчеству Тургенева – к подробно рассмотренным в работе поэмам «Параша» (1843), «Разговор» (1843), «Андрей» (1846), и таким прозаическим произведениям как «Три портрета» (1845), «Бретёр» (1846), «Дневник лишнего человека» (1848–1850), «Гамлет Щигровского уезда» (опубликован в 1849 г.), «Два приятеля» (1853), «Переписка» (1854) и «Затишье» (1854). При анализе этих произведений, подготавливающих создание романов Тургенева, пушкинский генезис образов Рудина, Лаврецкого или Лежнева становится вполне отчетливым.

Последний раздел третьей главы посвящен романам Гончарова. «Обыкновенную историю» я уже упоминала. В «Обломове» дана, так сказать, квинтэссенция героя пассивного типа. Онегинский прототип здесь едва узнаваем, но промежуточные звенья общей традиции (в частности, «Странный случай» Языкова) позволяют уловить связь с героем романа в стихах. В «Обрыве» «пассивный» и «демонический» прототипы, сведенные в пушкинском герое и отчетливо реализованные в Печорине, вновь расщепляются на два типа: один из них представлен в Райском, сниженный вариант другого – в Волохове.

В рамках диссертации описанный в третьей главе этап трансформаций онегинского типа героя необходимо будет завершить обращением к романам Достоевского, как минимум – к романам «Подросток» и «Бесы», написанным уже в 1870-е годы. Но это пока еще не сделано.

Основным выводом работы является констатация того, что онегинский тип героя, более или менее явственно узнаваемый всего в нескольких героях произведений первого ряда, постоянно присутствует в произведениях менее значимых, подготавливающих его вершинные воплощения. Этот литературный тип оказывается для русской литературы ничуть не менее востребованным, чем такие классические типы как Фауст или Дон Жуан. В заключении подчеркнуто, что онегинский тип героя не сходит со сцены вплоть до XX и даже XXI века. В Николае Аблеухове в «Петербурге» Андрея Белого совмещаются травестированные черты Онегина, Печорина и Ставрогина, пародийная фигура Демона Вина в «Аде» Набокова наследует черты Онегина и леромонтовского Демона, история

героя в «Улетающем Монахе» Битова построена, как я уже говорила, в соответствии с моделью, возникшей еще в 1820-е годы, год назад вышел роман Виктора Тихомирова «Евгений Телегин», в котором пушкинские герои помещены в контекст 70-х годов XX века.